

Якоб Элленбергер

Учителя и проповедники
меннонитской общины Фридельсхайма

Биографический очерк

Представлено на основе его рукописных работ
с приложением некоторых его стихотворений.

Франкфурт-на-Майне
«Deutsche Reichspost», типография, акционерное общество.
1879

Недавно опубликовано:
Издательство ClassiCulturCentrum
www.Ellenberger.me | www.Ellenberger.shop | www.Ellenberger.institute

Предисловие.

во мне и в моей жизни
, чего бы кто-то желал; то, что дал мне Христос , достойно
любви .

Под этим девизом дорогой покойный написал в 1866 году «Записки из моей жизни», первоначально для своей семьи. После его смерти близкие пожелали, чтобы это драгоценное рукописное наследие было воспроизведено в печати. Когда об этом намерении стало известно некоторым прихожанам, они выразили желание, что и другие, помимо них самих, вероятно, хотели бы узнать больше о своём бывшем учителе и проповеднике и получить копию на память о нём. Однако для более широкого круга читателей рукопись пришлось опубликовать в более свободном, переработанном и дополненном виде, как это и предлагается здесь. Некоторые фрагменты были опущены, поскольку покойный предложил их для включения в книгу « **Картины из жизни пилигрима** », изданную в 1878 году, в последний год его жизни. Читатель найдёт их там под заголовком « **Из жизни юноши-меннонита** ». Вместо этого некоторые его стихотворения включены сюда в качестве приложения, что, несомненно, будет полезно.

Пусть и то, и другое станет благословением для читателей.

В июне 1879 года.

Якоб Эллиенбергер родился 18 октября 1800 года в Гёненхайме, близ Фридельсхайма, в [тогдашнем] Баварском Пфальце. Он был четвёртым из пяти братьев и сестёр.

Его родителями были Авраам Эллиенбергер и Катарина, также урождённая Эллиенбергер. Он пишет о них, что они были благочестивыми и богобоязненными. И среди местного населения, духовно мёртвого в то время, их правдивость, неразрывно связанная с благочестием, пользовалась огромным уважением. Ибо, в то время как жители его деревни относились друг к другу с некоторым недоверием, отец Эллиенбергера пользовался самым безоговорочным доверием. О его словах говорили: «Да, если Эллиенбергер сказал это, значит, это правда», в то время как все остальные должны были подтверждать свои слова греховной клятвой, сродни обету, чтобы им поверили. И хотя христианство для его современников, как правило, было делом второстепенным, и ни христианские, ни нехристианские заповеди не соблюдались строго, его родители вели тихую и уединённую жизнь, отстраняясь от всего мирского и суетного. Их христианство было серьёзным, Библия была руководящим принципом их жизни, их вера была верой, а любовь – не просто словами, а делами. Они с раннего возраста поощряли своих детей молиться и читать Слово Божье. «И всё это так свободно и непринуждённо, что дети с радостью и любовью подражали своим родителям».

«Под строгим надзором и заботой таких родителей я был тронут благодатью Божьей в раннем возрасте. И

всё же грех иногда овладевал мной одним образом, иногда другим. Но голос совести и Дух Божий всегда звали и отгоняли меня. Я очень боялся гроз; и это постоянно заставляло меня молиться и ходить пред Богом летом. Поэтому Господь знает, как коснуться и привлечь нас к Себе разными способами».

И вообще, мальчик был нежен и чувствителен . Любитель птиц, он укусил жаворонка, который свободно летал, и когда наступил вечер, тот вернулся к нему, чтобы он посадил его в клетку. Когда его сестра неожиданно наступила на него в сумерках, убив его – о, как он плакал по ней! В другой раз, почти против своей воли, он бросил чем-то в малиновку, сидящую на стене, и так сильно ударил её, что та упала замертво. Он был полон глубочайших чувств и плакал от раскаяния. Мёртвую птицу с почестями похоронили.

Его школьные годы длились с 1807 по 1814 год. С 1809 года он посещал школу в Фридельсхайме. Там он смог довольно успешно освоить самые необходимые предметы — чтение, письмо, арифметику и даже пение. Всё, что он хотел выучить сверх этого, он должен был изучать дома. И он, конечно же, не был лишен прилежания. Одним из его любимых занятий была каллиграфия. С тех пор он до сих пор хранил тетрадь с множеством весьма удачных готических почерков, написанных его рукой, за что получил похвалу от правительства. Его почерк оставался очень чётким и приятным до самой старости. Этой эпохой, как хорошо известно, были бурные наполеоновские войны, которые предлагали школьнику больше интересных и

занимательных впечатлений, чем его родители. Однако, как бы ни восхищало его зрелище войны с нарядно одетыми солдатами разных стран, пешими и конными, барабанной дробью, ревом труб и полной военной музыкой, о солдатах у него все же сложилось иное впечатление.

Именно в первый день нового 1814 года у них разместили русских солдат. Однажды вечером его послали за бренди для русских, гостивших у его отца.

По дороге двое солдат схватили меня за руки и отвели в амбар, где вязали сено, и где я должен был посветить им фонариком. Мне было ужасно холодно, и я видел, что они ещё далеки от завершения своей работы. Поэтому я быстро придумал план побега, который тут же привёл в действие. Я задул фонарь и бросился бежать. К тому времени, как русские, в тяжёлых сапогах и штанах для верховой езды, вышли из тёмного амбара и перебрались через гумно высотой в три-четыре фута, я значительно выиграл. Я пробирался сквозь огонь и воду, и, поняв, что преследователи приближаются слишком близко, я выскочил на знакомый двор, через амбар в сад, выбрав кратчайший путь домой. Пока они с усердием и ожесточением искали меня в доме, куда я, как они видели, запрыгнул, я уже спокойно сидел дома за печкой. Но каждый шаг солдата пугал меня, я думал, что это мои преследователи.

О своих подготовительных наставлениях к святому крещению он говорил, что они были краткими и неполными, но, тем не менее, не лишенными благословения. Он сокрушался, что многое из того, чему

он научился, было утрачено из-за тщеславия и легкомыслия, проявившихся среди его спутников на пути. Тем не менее, он признался в некоторых юношеских проступках того времени, но мог признаться, что, несмотря на своё непонимание, он не принял святого крещения без благословения. — О его дальнейшем развитии мы знаем только, что он пробудился к новой духовной жизни в трудные годы 1816 и 1817 годов, и в то же время в нём возникло почти навязчивое желание читать, которое стало для него одновременно средством сохранения и продвижения. (См. « **Картины из жизни паломника** »).

«Учитывая мою слабость, мне было предложено освоить портняжное дело, к которому у меня не было ни особых способностей, ни особого желания».

Поэтому ему пришлось выполнять тяжелую работу по дому и на полях.

Он боялся призыва, тем более, что годом ранее ему довелось посетить казармы в Оггерсхайме. Всё, что он там увидел и услышал, лишь усилило его отвращение к этой профессии. Бог вмешался, и он был освобождён. Слабое зрение стало причиной того, что военные врачи признали его негодным к службе. Он с благодарностью восхваляет это милостивое вмешательство своего Бога.

По поводу выбора будущей профессии он пишет:

Чтение вышеупомянутых произведений ещё больше пробудило и усилило во мне долгожданное желание стать проповедником Слова Божьего. Один старый, почтенный проповедник из нашей общины служил мне

примером и примером. Вместе с моим дядей, проповедником Генрихом Элленбергером, я посетил господина Вайдмана, проповедника-меннонита в Монсхайме, чтобы расспросить о Голландии, поскольку мы слышали, что там молодые люди могут учиться бесплатно. Это действительно подтвердилось; однако также было отмечено, что сначала мне нужно будет основательно изучить иностранные языки. Мне бы хотелось это сделать, но никто не знал, с чего начать, и поэтому это осталось неиспользованным.

[Генрих Элленбергер служил проповедником в приходах Эппштайна и Фризенхайма до 1850 года, когда он эмигрировал в Америку в преклонном возрасте.]

Примерно в это же время в Швейцарию, а позже и в Германию, приехал англичанин-христианин по имени Ангас. Он узнал о моём стремлении. Именно этому истинному христианину и благородному филантропу я обязан тем, что меня приняли в число воспитанников школы Бёгген в Великом герцогстве Баден, где обо мне заботились, как о родном отце, в течение трёх лет, проведённых там.

24 мая 1824 года я вступил в общину, познакомившись ранее с моим дорогим и уважаемым благодетелем в Базеле. Он был членом английских баптистов и весьма деятельным и одарённым человеком в распространении истинного христианства. Он много путешествовал и умер от холеры, проповедуя Евангелие морякам в сфере своего влияния.

Три года, проведённые там, были для меня очень важными и щедро благословенными. Я обязан этому заведению не только своей педагогической подготовкой, но и истинным пониманием моего порочного сердца. Там для меня были тяжёлые часы испытаний, часы, когда я боролся с отчаянием. И только благодати моего Бога я обязан тем, что не поддался искушению в эти тяжёлые часы.

За исключением этих часов экзаменов, я считаю время, проведённое в Бёггене, одним из самых счастливых дней в моей жизни. Я никогда не забуду моего дорогого и любимого учителя, инспектора Кристиана Генриха Целлера, и его жену. Они были настоящими школьными родителями, которые останутся в светлой памяти всех учеников.

Не без дружеских связей с несколькими близкими ему учениками, среди которых он особенно упоминает **Йоханнеса Шлоссера**, который позже стал учителем и заведующим домом в богадельне в Грубе близ Берна, он покинул Бёгген 27 мая 1827 года. Прощальное слово, произнесенное инспектором Целлером, было взято из 2 Паралипоменон 20:15-17, поистине ободряющее слово о служении Господу. – Из его времени в учреждении мы включаем один случай, который он записал по собственной просьбе в июле 1878 года. Этот случай не только дает нам представление о добром духе сообщества во всем учреждении, но и делает честь ученику Элленбергеру за его непоколебимые убеждения и инспектору за его христианскую терпимость. А именно:

По случаю крещения ребёнка инспектора Целлера в Бёггене, воспитанников учреждения также пригласили на скромную трапезу. Темы для разговоров были разнообразны. Упомянули и крещение. Инспектор Целлер подошёл ко мне, легонько похлопал по плечу и сказал: «Не правда ли, дорогой Элленбергер, когда дети христианских родителей, поддерживаемые благочестивыми крёстными родителями и таким дорогим, благочестивым пастором, как пастор фон Брунн, принимают святое крещение, разве это не нечто особенное?» — «Да, конечно, инспектор, — ответил я, — но если бы крещаемый ребёнок мог сам исповедать свою веру, это было бы ещё более значимо». На это инспектор сказал: «Вы совершенно правы». И это утверждение не оспаривал никто в компании.

Бёгген и Базель находятся примерно в четырёх часах езды [на конном экипаже]. Члены комитета миссионерского института в Базеле и Бёгген жили в Базеле. Это способствовало приятному и живому общению между двумя учреждениями. В этой дружеской обстановке ученики обоих учреждений также посещали друг друга, для чего разрешалось посещать и воскресные дни. Это было большим благословением, поскольку ученики из Бёггена также стали друзьями миссии, которые впоследствии проявили себя как покровители этого святого дела в своей сфере влияния. То же самое можно сказать и о нашем дорогом ученике-менноните. Бёгген и Базель остались для него незабываемыми воспоминаниями. Долгие годы он поддерживал постоянную связь с обоими посредством переписки и, до

самой смерти, благодаря чтению « Ежемесячного журнала Бёггена » и «Посланника язычников». Его поездки в Бёгген описаны в вышеупомянутой книге « **Картины из жизни пилигрима**». Ему сообщили . Спусти 40 лет он всё ещё с теплотой вспоминает о любви и дружбе, которыми он наслаждался во время многочисленных визитов. Мы хотели бы завершить это столь дорогое ему время его собственными словами:

Сердечное спасибо семьям меннонитов из Листаля, под чьим гостеприимным кровом я так часто бывал и наслаждался их любовью. Сердечное спасибо семье нотариуса . Хайнеманн в Листале, с её очаровательной маленькой дочерью Софи , где Бёгген и ученики-миссионеры встречались долгое время ; пастор Хох в Буссе ; пастор Штелин в Винтерзингене и госпожа Маркли там же. Любовь и благословения, которые я получила от вас, останутся незабываемыми . Да вознаградит вас Господь щедро через ваших детей.

Весной 1827 года его подготовительный период в Бёггене подошёл к концу. В то же время правление меннонитской общины во Фридельсхайме призвало его взять на себя обязанности учителя для их детей. Уповая на Господа, он с радостью принял это призвание и приступил к преподаванию примерно с двадцатью учениками. Но вскоре правительство навело на эту школу страх. Он пишет:

Осенью того же года наша школа была вновь закрыта правительством. Соответствующий рескрипт гласил: «Поскольку меннонитская община Фридельсхайма содержит частную школу, она настоящим

закрывается, и общине настоятельно рекомендуется отправлять своих детей в местную школу до тех пор, пока она не продемонстрирует наличие средств для открытия собственной школы и не наймёт учителя, одобренного правительством».

Мне ничего не оставалось, как подать прошение о допуске к экзамену, что и было удовлетворено. В то же время правление нашей общины обратилось к правительству с просьбой разрешить мне временно продолжать руководить меннонитской школой до экзамена. Эта просьба также была удовлетворена. В конце 1828 года я сдал экзамен в Кайзерслаутерне (в педагогическом училище) и получил оценку: «Хорошая способность к учительской профессии».

Выполняя распоряжение правительства, школа получила законное признание, а Элленбергер – полноправный учитель. Следовательно, несмотря на отсутствие государственной зарплаты, он был обязан исполнять все обязанности. Его школа, как и любая другая государственная школа, ежегодно инспектировалась королевским школьным советом; он должен был посещать учительские конференции, проводимые под руководством окружного школьного инспектора, представлять необходимые документы, вступать в учительское читательское общество и вносить взносы в фонд помощи учителям в случае их смерти.

Ну, с самого начала своего обучения в школе он пишет:

Были новые и своеобразные Опыт . Прежде всего, осознание того, что учить других — это совершенно не

то же самое, что быть учителем. Обучая других, мне сначала пришлось учиться самому.

В течение пяти лет – с 1827 по 1832 год – он первоначально работал только в школе . Затем община избрала его также своим проповедником. В 1832 году он был рукоположен на церковном собрании в Вайерхофе проповедником Моленааром из Крефельда (отцом проповедника Йоханнеса Моленаара из Монсхайма).

До 1831 года он был холост и всё это время жил у родителей своих учеников. О своём странствующем столе он замечает:

В этом есть свои преимущества, но также и недостатки. И, оглядываясь на сорок лет своей деятельности , он говорит:

Итак, я действовал искренне и верно, но в слабости и несостоятельности. И всё же Господь помог и помогает до сих пор.

О своем семейном положении и домашней жизни он пишет следующее:

24 апреля 1831 года я женился на Лизетте Бликенсдёрфер , дочери Петера Бликенсдёрфера из Кольхофа и Магдалены, урождённой Шовальтер , из Ассенхайма . Её дед по отцовской линии, Георг Бликенсдёрфер , был землевладельцем и проповедником в Кольхофе ...

В ней я нашёл верного, преданного и искреннего спутника жизни. Эта жизнь принесла мне новые

впечатления, как радостные, так и печальные. Как же отрадно иметь жену, которая в истинной любви разделяет со мной радость и горе, становясь таким образом верной помощницей и соратницей. И это счастье выпало мне. Она не только моя верная помощница, но и верная, любящая и по-матерински заботливая мать. И это очень хорошо, ведь наш брак благословлён множеством детей: восемью сыновьями и пятью дочерьми.

Мы опустим список детей с их именами и днями рождения, а также краткие описания, которые все еще приведены здесь, в рукописи.

К тому времени, как он написал эти строки, двое его детей умерли: первый сын, в возрасте 20 лет, от тифа в Кирххаймболандене, где он работал колесным мастером, и одиннадцатый ребёнок, трёхлетняя дочь. Одиннадцать пережили его, и из них двое уже эмигрировали в Новую Зеландию, один сын – в Америку, а за ним и второй.

вплоть до этого момента, используя его собственные рукописные заметки. Нижеследующее служит дополнением к ним.

Пихта Для тех читателей, кто не знал его лично, следует отметить, что он был человеком среднего роста и пропорционального телосложения. Голову его украшала густая чёрная шевелюра, которая с возрастом становилась венцом чести (Притчи 16:31 и 20:29). Черты его лица были мягкими и доброжелательными, но не лишёнными серьёзности; и если бы свет в его глазах не был таким слабым, выражение лица приобрело бы ещё

большую живость. Он был скромн в себе, далёк от всего наигранного или неискреннего. Его внешность была простой и прямой, располагающей к себе и внушающей доверие, а манеры – спокойными, уверенными и достойными. В остальном он был здоровым, энергичным и деятельным человеком, даже в преклонном возрасте.

С верой во Христа распятого, в ком только и заключаются для нас утешение, спасение, жизнь, мир и сила, он приступил к своей работе. Сначала он пошел в школу. И точно так же, как его любимый учитель в Бёггене , поступил и наш Элленбергер: он привел вверенных ему ягнят к великому Пастырю и небесному другу детей Иисусу. Он искренне заботился о том, чтобы как следует знакомить и питать юные сердца чистым молоком Слова Божьего. Тем не менее, другие предметы обучения не имели для него значения. Его ученики выгодно отличались общими знаниями по сравнению с учениками местной школы , так что образованный человек, не принадлежавший к нашему приходу, на время отправил своих сыновей в его школу. С Божьей помощью она заметно процветала. И его работа была радостной и плодотворной.

Он особенно любил пение и усердно его развивал. Старшие ученики его школы и те, кто окончил ее, образовали смешанный хор, который пополнялся новыми членами каждый год. И поскольку никто не уходил, даже после свадьбы, и у многих дома был маленький певец, количество участников постоянно росло, и хор становился все более и более исполнительным. Ни один из крупных праздников не

проходил без того, чтобы этот хор не пел одну из своих разученных песен после проповеди, а часто даже в начале службы. Позже, по его инициативе, была создана отдельная ассоциация для мужских хоров, выступления которых в церкви также вносили свой вклад в красоту богослужений. Усилия, вложенные в репетицию песен, а также многочисленные музыкальные произведения, написанные для хора, были поистине замечательными. Мужские хоры никогда не были для него слишком обременительны; он искал свою награду в прекрасной и благородной цели и задаче пения. [Он культивировал такое хоровое пение особенно как средство оживления и укрепления чувства общности.] Мужской хор имеет, как доказательство своего В 1846 году они преподнесли ему в знак своей признательности серебряную шкатулку, что было ему очень приятно, и он выразил свою благодарность певцам в лёгком стихотворении на следующей репетиции. В качестве доказательства того, насколько скромно он относился к своим трудам и достижениям, приводим здесь вторую строфу его благодарственного стихотворения:

*Удивлён размером подарка
По сравнению с тем, чего я добился:
Мне стало очень стыдно.
Ну, спасибо! И я говорю вам от всего сердца.
Итак, приходите все из певческого клуба,
Да, подойди и возьми щепотку.*

(С этими словами он передал каждому по открытой банке.)

В последующие годы, когда он начал страдать от проблем с дыханием, он больше не мог полноценно заниматься пением, и хотя оно не прекратилось полностью, в результате этого его пение ослабло.

В 1840–1850-х годах он также организовывал в школе воспитательные рождественские праздники, которые до сих пор остаются незабываемыми для его учеников. Об одном таком школьном рождественском празднике он рассказал в «Записках меннонитов» за 1856 год, № 1, на который мы хотели бы обратить особое внимание читателей. Этот рассказ уникален в своём роде и свидетельствует о том, как он стремился сделать Рождество, Евангелие и школу одновременно приятным и значимым событием для своих учеников.

Как проповедник, он действовал в том же духе. Он проповедовал Христа, сотворённого Богом для нас мудростью, праведностью, освящением и искуплением. Автор этого отчёта до сих пор живо помнит, как отдельные души из государственной церкви приходили в тихую меннонитскую церковь во Фридельсхайме, чтобы услышать от него то, чего жаждали их мятущиеся души, не находя утешения нигде поблизости. В общину также проникла живая духовная жизнь, которая распространилась и на другие общины нашего региона. Христианские периодические издания, которые он стремился распространять, особенно хорошо служили этой цели. Значительное количество экземпляров «Ежемесячной газеты», издаваемой инспектором Целлером в Бёггене, а также несколько экземпляров «Базельских сборников» нашли благодарных получателей

и внимательных читателей в его общине, а также среди некоторых семей, живших в других местах и друживших с общиной. С этой целью он сам распространял «Базельский народный вестник» и молодёжные газеты доктора [Кристиана Готлоба] Барта из Кальва, которые он с радостью предоставлял своим прихожанам. Как правило, он предоставлял свою библиотеку, а точнее, сочинения Колкса, содержащиеся в ней, бесплатно своим прихожанам и был рад, когда они ею пользовались. Особенно важным для него было миссионерское дело, которое уже было начато в общине вышеупомянутым английским баптистским проповедником Ангасом в связи с уважаемым господином Таухницем.

Поэтому община также получила жестяную коробку с надписью: «Сбор христианских пожертвований для распространения Царства Божьего. Меннонитская община Фридельсхайма и Эрпольсхайма, 1824». Его предшественник, проповедник Йоханнес Риссер, развивал тогда ещё новое миссионерское дело в общине Фридельсхайма. Затем он стремился донести Евангельский Вестник до семей, чтобы способствовать миссионерскому духу. И раз в месяц, после воскресной службы, он давал отчёты с территории миссии. И это продолжалось непрерывно до самой его смерти. Его пример простирался за пределы местной общины, так что благодаря его усилиям миссионерское дело всё шире распространялось среди меннонитских общин Пфальца. И с тех пор он регулярно каждый год отправлял пожертвования, иногда небольшие, иногда крупные, на миссию в Базель. Вполне естественно, что он также

оказал свою поддержку нашему Анабаптистскому миссионерскому обществу в Амстердаме после его основания . Ибо насколько память и любовь к нему сохранились в учреждениях Швейцарии , тем не менее он всем сердцем придерживался нашего исповедания . Он был предан общине и считал священным долгом поддерживать и развивать ее по-своему, где и как только мог. В общем, где бы ни шло развитие и содействие благополучию его самого и всей общины , он всегда присутствовал. Как же он был рад публикации «Записок меннонитов»! Он мужественно стремился распространять этот журнал из нашей общины в пределах своей сферы влияния , регулярно отправляя для него статьи. Он также стремился основать фонд меннонитов на благо своей общины в ознаменование 300-летия со дня смерти Менно Симона . Начало было положено. Насколько далеко продвинулось дело за 18 лет, автор этого отчета сказать не может.

Он быстро установил братские отношения со своими коллегами-священниками, проповедниками **Риссером** из Зембаха и **Моленаром** из Монсхайма , после того как они обосновались поблизости. Отношения между ним и Моленаром, в частности, были очень близкими и доверительными. **Ксендз Шмутц** из Раппенау также был вовлечён в круг братьев, и братские отношения поддерживались и укреплялись благодаря взаимным визитам и переписке. Проповедники **Роозен** и **Нойфельдт навещали** его, будучи студентами из Гейдельберга, и часто встречались с ним позже. **Проповедник де Веер** из Нойвида и **Тизен** из Иберсхайма также посещали его дом, и он всегда получал духовное обновление от визитов

братьев и коллег-священников из общины. Он также установил дружеские отношения с несколькими благочестивыми пасторами региональной церкви, особенно с пастором Шиллером , которому он помогал в публикации первых томов « Зикингера Боте». И когда в 1848 году благочестивые священники Пфальца начали проводить миссионерские праздники, он был желанным гостем на первом из них, поскольку было известно , что он давно знаком с этим святым делом и преданно его поддерживает. И неоднократно его приглашали на собрания тех, кто закладывал и поддерживал новую христианскую жизнь в объединённой Пфальцской церкви.

в составлении книг для литургического использования: катехизиса, молитвенника и сборника гимнов, которые редактировал пастор Моленаар . Гимны 209 и 215 – его собственные. Молитва из сборника «За новобрачную, впервые посещающую церковь» также его; позже она была включена в «Путеводитель», изданный нашими баденскими братьями. Он также написал сборник гимнов, в котором хоралы аранжированы для четырёх голосов.

отвечал не только за свой приход, но и за Эрпольсхайм и Кольхоф . В Эрпольсхайме , в часе езды, он проводил службы днем , после проповеди во Фридельсхайме утром. Кольхоф находился в трех часах езды, и он проводил там службы только раз в месяц. Он всегда ходил туда и обратно пешком, пока астма и упадок физических сил не сделали это невозможным, и тогда его забрали. В начале 1950-х годов он также служил в приходе Эппштайна в качестве замещающего в течение

четырёх лет. И вот уже около 20 лет, с тех пор как местный проповедник Иоганн Гершлер вышел на пенсию, он служит в приходе Бранчвайлерхоф недалеко от Нойштадта -на- Хардте [ныне Нойштадт- на -Хардте]. [Винный маршрут] он управлял проповедническим офисом. Он проповедовал регулярно раз в месяц в этом приходе, который также находился в трех часах езды. Хотя люди раньше подвозили его часть пути , недавно он мог ездить на поезде. Но даже тогда ему приходилось полчаса идти пешком до станции, где он садился и выходил. Его служение, включая служение приходским филиалам, было действительно напряженным и изнурительным. Когда в субботу заканчивалась школьная работа, ему приходилось идти на проповедь и в свой проповеднический тур. А когда он приходил домой уставшим в воскресенье вечером , в понедельник утром его уже снова ждала школьная работа . Он находил время для отдыха только в течение нескольких недель каникул; в остальном он был активен день за днем . Если бы Бог не благословил его хорошим здоровьем , для него было бы невозможно нести бремя работы так долго.

Но его духовное и религиозное служение уже само по себе приносило немало тягот и различных скорбей; со временем к ним добавились заботы о большой семье, тяготившие его. Он обладал кое-чем, но лишь весьма скромным личным состоянием, получал годовое жалованье в несколько сотен гульденов и также пользовался ежегодной поддержкой своих голландских единоверцев; и всё же заботы о его физических нуждах тяготили его, что легко понять, принимая во внимание его семью.

Несколько раз он всерьёз подумывал об эмиграции в Америку, чтобы хотя бы найти более лёгкое материальное положение. Однако он не покинул общину и остался там, где был, смирившись, хотя и с тяжёлым сердцем, со своим положением, которое вынуждало его к крайней бережливости, так что ему часто приходилось есть свой хлеб буквально в поте лица. Так, пока его сыновья были ещё слишком слабы, его часто можно было увидеть пилящим дрова во дворе по полдня летом, исключительно из соображений бережливости. И в то время как другие коллеги обычно отправлялись гулять после школы, чтобы подышать свежим воздухом, он шёл к своему верстаку и мастерил тот или иной предмет необходимой домашней мебели, чтобы сэкономить значительную сумму денег. Он сам сделал кресло в своём кабинете, на котором сидел во время работы. И кто не является специалистом, вряд ли поверит в это, настолько оно лёгкое и приятное на вид.

И сельский труд всегда был ему знаком с юности. В революционный 1848 год он и пастор Риссер из Зембаха встретились в Монсхайме в доме пастора Моленаара, чтобы обсудить один вопрос. После серьёзных раздумий они однажды днём отправились на прогулку, чтобы отдохнуть. Они проходили мимо поля, где недалеко от тропинки двое рабочих трудились вскапывая землю. Дух бунта бушевал в сердцах и умах этих двух мужчин, и когда наши пасторы проходили мимо, один из них встал и сказал другому достаточно громко, чтобы услышали прохожие: «Это трое из тех, кто в чёрных мантиях, чьи куртки мы скоро вытряхнём!» Наш Элленбергер оставался ещё некоторое время. Он на мгновение замолчал, затем

смело подошёл к мужчинам и сказал, что несправедливо считать их ленивыми ; помимо их канцелярской работы, они довольно искусно владели лопатой. Он снял пальто, взял одну из лопат мужчин и, копая взад и вперёд несколько раз, продемонстрировал, что у него есть силы и умение выполнять их работу так же хорошо, как и они, что заставило мужчин изрядно смутиться. Затем он сказал им ещё несколько слов; они стыдливо опустили глаза и отпустили троих мужчин с миром. – Конечно , его заслуга в том, что он умел приспосабливаться к таким обстоятельствам ради Бога и общины , обстоятельствам, которые редко встречаются среди проповедников, нанятых исключительно для своего служения. Да, он был работником в духовной сфере, и когда дело касалось также и физической, ибо он связал много снопов на своём поле и радовался этому, « *как радуются жатве* ».

таких обстоятельствах он состарился и поседел, но дух его не изменился. Свидетельством этому служит большое количество оставленных им стихотворений. Несмотря на бремя своей службы , многочисленные трудности и переживания, он, тем не менее, сохранял творческую энергию, выражая в стихах религиозные мысли или короткие рассказы, как серьёзные, так и лёгкие, по своему усмотрению . Именно эта свободная интеллектуальная деятельность помогала ему преодолевать многие трудности и приносила много успокоения и облегчения его часто терзаемому сердцу. Принимал ли он гостей или нет , он всегда оставался тем же спокойным, дружелюбным и общительным человеком, которого все знали с самого начала.

Мы не отрицаем, что иногда он мог действовать иначе. Однако наши отношения с ним не позволяют нам выносить пренебрежительное суждение. Помимо любви и глубокого уважения, которые мы испытываем к нему, мы также слишком высоко ценим бремя, которое он нес, чтобы осмелиться судить его. Тем не менее, возможно, им всё ещё бессознательно руководила черта, более близкая к природному, чем к духовному. И, возможно, именно эта черта часто мешала ему сразу же обрести духовную гибкость, чтобы уступать без вреда и великодушно, а иногда давала ему повод к некоторой односторонности. Тем не менее, мир пребывал в его существе, а в сердце жила всеобщая и братская любовь; он легко забывал о том, что его тревожило, и не питал ни к кому обиды. Мы можем засвидетельствовать, что слышали из его уст в нашем ближайшем окружении, как, молясь перед Богом, он обличал себя в своих грехах, а также в своих слабостях и недостатках, связанных с служением; и мы точно знаем, что он всегда, как священник, носил свою паству в сердце.

Он усердно трудился, многим жертвовал и во многом себе отказывал, усердно и последовательно экономя на протяжении всего срока своего правления, чтобы быть почитаемым перед Богом и людьми как верный управитель и истинный отец, кормилец своей семьи. Но: «Многие братья составляют скудное состояние!» Разве это верно, когда состояние Таверна значительно, тем более, когда оно невелико? Так было и с нашим Элленбергером, которому приходилось обеспечивать одиннадцать детей, имея скудное состояние. Поэтому понятно, что в отношении будущего своих детей и их

профессионального обучения у него было лишь самое необходимое . Только один из его сыновей, младший, решил пойти по стопам отца. Он пишет: *« Но как бы ни было радостно для меня, когда Даниэль Адольф выразил свою склонность к учебе, тяжкое бремя тревоги легло на мое сердце, ведь такая карьера очень дорога , а мои средства так ограничены ».*

И когда он получил помощь от своих единоверцев в этом деле, он назначил Эвенезера со словами: *« Старый Бог все еще жив! Господи, я слишком мал для всей милости и верности, которые Ты оказал мне ! Ты слышишь молитву, поэтому всякая плоть приходит к Тебе!»*

Но не только в этом случае он ощутил могучую руку помощи Божией; он признаётся своими словами, что вообще, как в домашней жизни, так и в служебной и профессиональной, он *« ощутил отеческую, милостивую, поистине могущественную помощь Господа во многих нуждах и скорбях, и это уверяет меня, что Господь не оставит и не покинет меня, более того, Он как бы взывает ко мне: „Не бойся! Я с тобою; наставлю тебя и наставлю тебя на путь, по которому тебе идти; буду руководить тебя оком Моим“»* (Псалом 31:8).

В качестве доказательства он приводит еще два случая:

Двое его сыновей уже служили в армии, а третий должен был последовать за ними, но был срочно нужен дома , чтобы управлять небольшой фермой . Отец хотел обеспечить ему постоянный отпуск и, со всей скромностью , обратился за содействием в местный

совет, который тот с готовностью удовлетворил. Обещание было искренним, но сдержать его было трудно; они хотели обеспечить ему необходимое ... Свидетельства , подписанные отцами семейств, были отклонены. Однако он не смирился с таким грубым отказом; он настаивал, что они подтверждают одну истину: двое его сыновей уже служат в армии. Никто не мог дать ему никакой надежды на успех, поскольку Свидетельство было выдано незадолго до вступления в должность , поэтому его уже не могла предварительно рассмотреть высшая инстанция. Он не пал духом: «Но я обратился к Царю царей и Господу господствующих и просил Его направить сердца, как потоки вод, и склонить их ко мне».

В день принятия решения девизом было : «Видишь, я посмотрел на тебя даже в этом вопросе». С этим словом в сердце и свидетельством в кармане он радостно пошел ... Шпейер . И вот, хотя президент и другой правительственный советник собирались отклонить это предложение, **советник Курц** , который знал его, вышел вперед и сказал: « *Господин президент! У господина Элленбергера уже два сына в армии, и нескольким младшим сыновьям грозит та же участь; его, конечно, можно было бы зачислить без всяких выговоров !* » « *Итак!* » — сказал президент. « *Поэтому: отпуск!* » — и вопрос был решен.

Не менее удивительной была помощь, оказанная другому сыну. Он эмигрировал в Новую Зеландию, но затем был призван на учёбу на родине . Отец хотел найти ему замену, чтобы его не считали дезертиром и не

обращались с ним как с воином. Времени было мало, и двое сведущих в этом деле людей, через чьи руки должно было пройти дело, объяснили ему, что любая такая попытка будет тщетной. Наш отец Элленбергер пережил нечто подобное псалмопевцу: «В скорби своей он воззвал к Господу», и, словно по ответу свыше, ему были даны слова утешения: «Ты слышишь, Господи, желание страждущих; сердце их успокоено, и ухо Твоё внимательно к ним» (Пс. 10:17). Он проявил настойчивость, нанял человека, официально зарегистрировал документ у королевского нотариуса и телеграфировал в соответствующее военное командование в Мюнхене о том, что его сыну предоставлена замена. Он пишет: *« И Господь услышал мою мольбу и ответил на нее. ... Несколько недель спустя один из тех мужчин, которые уже потеряли всякую надежду на его спасение, официально вызвал меня и сообщил мне о кончине моего сына, сказав при этом несколько сдержанно : «Они все-таки достигли своей цели».*

Таким образом, он также испытал на опыте своих детей, что Бог держит всех людей в Своих руках. Соломон сказал: « Не давай мне ни нищеты, ни богатства, но позволь мне взять мою скудную долю». Это последнее было даровано и его детям, большинство из которых вступили в брак ещё при его жизни; отец Элленбергер удостоился чести быть свидетелем этого, прежде чем Господь призвал его домой.

Из-за слабого зрения ему приходилось носить очки для чтения даже в сорок лет. Однако с возрастом его зрение

ухудшалось, так что даже очки стали ему малополезны. Поэтому он обратился к правительству за пенсией . Здесь мы должны добавить следующее: как сертифицированному учителю, Элленбергеру в 1850-х годах было предложено присоединиться к новой пенсионной схеме. Он так и сделал . Однако ежегодный взнос был немалым. Местный совет решил платить взносы за двух школьных учителей из муниципальной казны, но не за учителя -неннонита . Напротив, тогдашний региональный комиссар , г-н Курц, настаивал на равном праве Элленбергера на пенсию. Таким образом, его пенсия была гарантирована; но взнос, который стал бы для него слишком обременительным в долгосрочной перспективе, был отменен.

Во время экзаменов в государственных школах г-н Курц, будучи окружным комиссаром Нойштадта, также посетил школу Элленбергера, где встретился с ним. Будучи очень доволен его успехами в учёбе, он также относился к нему с большим уважением. Он также питал к нему личную привязанность и позже, уже став правительственным советником , на эту должность, как мы видим из вышеизложенного.

, что этот высокопоставленный чиновник оказал ему личное расположение и поддерживал его всегда, он всегда считал милостью Божьей. И то, что ему также была предоставлена пенсия , он благодарил благородного советника Курца сердечнейше, даже больше, чем Бога. – И он подал прошение о пенсии . Однако это первое прошение было отклонено, поскольку, вопреки заключению кантонального врача, военный врач признал его зрение по-прежнему годным к работе. Его зрение, однако, продолжало ухудшаться, так что наконец, два года спустя – в 1869 году – правительству пришлось

назначить ему пенсию с должности учителя; таким образом, в соответствии с выслугой лет, он стал получать ежегодную пенсию в размере 400 гульденов, которая позже, после того как палата одобрила повышение пенсий школьным учителям, составила несколько больше. Это, конечно, повлекло за собой отставку с должности учителя. К сожалению, это ознаменовало конец меннонитской школы, и их дети теперь были вынуждены посещать деревенскую смешанную школу. Он продолжал свое служение до самой смерти.

Элленбергер теперь мог постепенно выплачивать свои долги за счёт пенсии, которые он был вынужден накопить со временем. Он не жаловался на необходимость снова отдавать эти честно заработанные деньги; напротив, ему было поистине приятно и утешительно сознавать, что он может использовать их для погашения всех своих долгов, о чём свидетельствуют его собственные письма. Несмотря на потемнение в глазах, милосердный Бог действительно даровал ему свет в этом отношении на закате его лет. И он был глубоко благодарен за это.

В 1875 году, 1 апреля, скончалась его жена. Это стало для него тяжёлым ударом. Хотя до этого он состарился, не особенно страдая от старческих недугов, разлука с верной спутницей так глубоко согнула его, что он начал заметно стареть. Он прожил вдовцом ещё почти четыре года, в течение которых его старшая и младшая дочери жили с ним. Тихий и замкнутый, он теперь ограничился своими духовными обязанностями и воспитанием внука, к которому был особенно привязан. Он также продолжал своё служение широкой общине, хотя его зрение

неуклонно ухудшалось, до такой степени, что он больше не мог читать текст .

Так наступил 1878 год. Он отвернулся от мира. Немощи старости одолели его, словно полностью вооружённого человека, так что нельзя было отрицать, что он вскоре сбросит свою брентную оболочку. И мы верим, что он мог встретить свой конец с уверенностью ; иначе он не смог бы завершить свой рассказ о жизни следующими словами :

Моя домашняя жизнь, а также моя жизнь и труд в проповеди и учении, как я их веду и по сей день, открыты для всех, и поэтому я могу завершить свою письменную работу здесь. Однако я не могу поступить иначе, как с исповедью : несмотря на все мои слабости и недостатки в жизни и служении, Господь сотворил для меня и моей семьи великое. Да, я слишком мал для всей милости и верности, которые Господь проявил ко мне ! Моим девизом было, есть и останется до конца моих дней: «Я и дом мой будем служить Господу!» Пусть это будет и останется девизом всех моих детей. Хорошо быть с Ним; Он помогает и благословляет там, где никто другой не может. «Блажен, кому помощник Бог Иаковлев!» (Псалом 145:5).

*С Тобой, Иисус, я останусь ,
всегда служа Тебе ; ничто не
оттолкнет меня от Тебя ; я буду
ходить Твоими путями .
Ты – жизнь моей жизни ,
импульс и сила моей души,*

*как виноградная лоза
даёт своим ветвям силу и живительный сок.*

О днях его болезни и кончины сообщаем следующее:

10 ноября отец всё ещё служил в церкви на ферме Кольхоф . Но даже на обратном пути старость начала давать о себе знать. Ему приходилось выходить из машины каждые несколько минут, и, к несчастью, он упал. Он вернулся домой больным. Несколько недель он пролежал днём на диване. Сначала он всё ещё вставал, но постепенно стал предпочитать лежать, и, поскольку он больше не мог делать это сам, его приходилось одевать и раздевать. Затем он даже потребовал, чтобы его укладывали спать днём, и с тех пор он оставался в постели постоянно. Он страдал не от какой-либо конкретной болезни, а от немощей старости , которые особенно проявлялись в мочевыводящих органах, поскольку их функции полностью прекратились. И чтобы предотвратить худший исход, ему в конце концов пришлось искусственно отводить мочу.

Вначале Ветер говорил только при крайней необходимости и спал почти постоянно. Однажды, проснувшись, он совершенно неожиданно произнес : «Мир! Радость!» и снова заснул. Отец всегда любил читать вслух и молиться вместе с ним. Визит его коллеги-пастора, Й. ван дер Смиссена Господин Зембах был явно желанным гостем у его постели. К сожалению, он не мог с ним поговорить, поскольку был очень слаб. Он прочитал ему гимн: «Всё, что я люблю, — Всё, что я практикую, — Будь моим Господом Иисусом Христом » и прочитал над ним короткую молитву.

Однажды я спросил его, есть ли у него мир во Христе. Он ответил: «Да, в Господе я имею праведность». Я сказал: «Это наше единственное утешение и прибежище в смерти». Он ответил: «Да, только это».

Сначала он не чувствовал боли, пока не лёг. Последние несколько недель были настолько мучительными, что даже врач после его смерти сказал, что его кончина была долгожданной, поскольку в последнее время он испытывал ужасные боли. Но он никогда не жаловался. Постепенно его силы истощались до последней капли. За несколько часов до смерти его больше не могли разбудить, и он мирно уснул.

8 февраля 1879 года, 19:00 .

Похороны состоялись 11 февраля при большом стечении народа . У могилы школьники спели гимн: « Отпусти меня, отпусти меня, чтобы я увидел Иисуса ». В церкви выступили проповедники Й. ван дер Сmissen из Зембаха и Хр. Хеге из Бранчвайлерхофа ; последний прочитал Послание к Филимону 1:23, а первый – Послание ко 2 Петра 3:15.

Итак, отдохни, дорогой учитель и пастор. Отдохни от своих трудов; Он, Господь, даровал тебе покой. Покойся в святом месте мира среди своих; покойся среди членов твоей общины, которых ты благословил на погребение и воскресение. Покойся до великого дня Господа нашего Иисуса Христа. Однажды ты воскреснешь с ними.

*Какими мы будем? Какими мы будем,
когда переедем в Сейлем?*

«Ныне никто не ищет в домоправителях ничего, кроме того, чтобы они оказались верными». Верность была также главной чертой усопшего. Он признавал, что Христос — его Господь, а он — его слуга. Поэтому аплодисменты народа не были мерилom его служебной деятельности. Согласно дарам и силе, дарованным ему, он проповедовал слово Божие, не искажая и не искажая его; он смотрел вверх и не искал человеческих почестей. Он не считал себя знающим в своей общине ничего, кроме Иисуса Христа Распятого. Так, в течение 51 с половиной года он неустанно и непрестанно трудился в одной и той же общине, неся бремя и напряжение своего требовательного двойного служения каждый день и отдавая свои силы служению во славу своего Господа.

Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их (Евреям 13:7).

